

*Лорану и нашим детям,
огонькам, мерцающим в темноте*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧЕТВЕРГ

ТАЛЛИ

Талли видела, как он бросил рюкзак и перелез через металлическую ограду моста. Внизу бежала серая лента подернутой зыбью реки Огайо. Из-за дождя и тусклого света Талли ехала медленно. Времени подумать не было. Только остановить машину, открыть окно с пассажирской стороны и окликнуть его.

— Эй! Эй!

Возгласы Талли учащались и становились громче. Слева от нее несся поток машин. Она вдарила по кнопке аварийки, перелезла через подлокотник и выбралась из машины, на всякий случай оставив пассажирскую дверь открытой.

— Эй! Я тебя вижу! Мы незнакомы, но ты мне не безразличен! Не надо прыгать! — Она говорила громко, чтобы он услышал, но при этом не испугался. Грохотали легковушки и грузовики, грохотал дождь, грохотало небо, грохотал мост, эхом отзывавшийся на остальные звуки, прокатывавшиеся по нему туда-сюда. Грохотал мир вокруг.

Он полуобернулся, его лицо было мокрым от дождя.

— Привет. Меня зовут Талли, — сказала она. — Не надо этого делать. Давай отвезу тебя куда-ни-

будь? Могу взять и рюкзак. Тебя как зовут? — Рюкзак трогать не хотелось. Он был темно-зеленый и в грязи. Она протянула руку.

— Не трогай, — мягко сказал он. Слишком мягко для человека, решившегося на прыжок в вечность. К чему этот мягкий тон, когда ты уже в шаге от смерти?

Талли вытянула руки перед собой, будто сдаваясь. Она не станет прикасаться к рюкзаку. Ну и ладно. Считаю, повезло.

— Извини. Давай поедем куда-нибудь и, может, поговорим? Или я позвоню кому скажешь? Пошли со мной. Найдем какой-то выход. — Ее голос будто взбирался по шатким ступенькам.

Лишь сказав это, она вспомнила, что сама — дипломированный психоаналитик. «Найдем какой-то выход». А как часто дипломированным психоаналитикам выпадает проводить внеплановые уличные сеансы? На самом деле не так уж и редко. Но сейчас сеанс шел «на мосту». Ей пока не приходилось лишаться клиентов из-за их самоубийства, и сейчас она начинать не собиралась. Этот хоть клиентом не был, но вполне мог им оказаться. Она заговорила с ним, будто так и было.

Вместо улицы и холодного дождя она представила, что вокруг них стены ее уютного кабинета умиротворяющего цвета ляпис-лазури, генератор шумов, а рядом — ее базиликово-зеленое кресло. Она представила медового цвета блестящий и гладкий деревянный пол, убаюкивающий своей замшей миндально-коричневый диван. На столе у окна работает масляный ароматизатор: лаванда с нотками

лимона — она сама смешивала запахи. Под солнечными лучами в горшках нежатся паучник и драцена, пальмы, монстера, суккуленты — натуральные очистители воздуха. На полках тесно, но аккуратно стоят книги, а на той, что у самой двери, висит соляная лампа с янтарным светом. Она представила кабинет в мельчайших деталях, мысленно перенеслась туда, усилием воли заставила себя говорить спокойным голосом. В приемной по клавишам компьютера негромко стучит секретарша, булькает стилизованный под скалистый водопад фонтан.

Старший брат Талли, Лионел, крутой финансовый босс, выделил ей денег, чтобы всю эту красоту спроектировать с нуля. Это вызывало у нее чувство вины — ведь ей ни за что не отплатить брату чем-то столь же важным и красивым. Она хотела, чтобы человек на мосту пока не знал, что она психоаналитик с богатым и крутым братом и снимающим тревогу кабинетом — это бы их разобщило. Пусть он считает ее похожей на себя, думает, что они из одного теста. У нее самой, как и у всех, случались дни, когда хотелось прыгнуть с моста, просто она еще ни разу не перелезала через ограду.

— Нет, спасибо. Отставь меня, — вежливо сказал он. Слишком вежливо перед лицом смерти. Он еще не принял твердого решения.

— У меня тоже бывают паршивые дни. Хуже некуда. Только пережила развод и — еще не высохли чернила на документах — узнала, что пассия бывшего мужа беременна. Я детей иметь не могу, так что это буквально худшее, что могло со мной случиться. Он и сейчас с ней, у них маленькая дочка. Пере-

ехали в Монтану, поближе к ее родственникам. Ну какая Монтана? Иногда я вообще с трудом вспоминаю, где это, — говорила она, ругая себя за слово «пассия». Обычно она старалась его избегать, зная о магии, в которой она слову отказывала. «Пассия» с ее змеиными изгибами и придыханиями а-ля Мэрилин Монро заключала в себе столько драматизма и романтики, что казалась желанной.

— Сожалею о том, что тебе пришлось пережить. — Он помолчал. — Но в Монтане живет много народу. Обычный штат. У меня там друзья. — Он резко замолчал. От вежливости ничего не осталось.

Он смотрел вниз, на реку. Было холодно, и становилось все холоднее. Конец октября, ночи все длиннее. От одного этого Талли задавалась вопросом, стоит ли жить на свете — ведь Бог выключает свет. Осень еще ничего, а вот зима! Зима была слишком сурова, чтобы справиться в одиночку, а эта зима будет уже второй после развода. Джоэл проведет ее в Монтане с новой женой и ребенком.

— Ладно. Конечно, с Монтаной все нормально. Так... говоришь, у тебя там друзья. Почему бы тебе не перелезть на эту сторону и не рассказать мне о них? — предложила Талли, приблизившись к нему на пару шагов.

Он посмотрел на нее и отвернулся обратно к реке. Она впервые полностью увидела его лицо. На нем были веснушки — будто кто-то случайно по носу и щекам рассыпал корицу, сам парень был в куртке того же цвета, что и рюкзак. Джинсы и ботинки — темно-коричневые. Он буквально излучал энергию надлома, она была из него, как из гидро-

акустического прибора. Плотные волны одиночества. Талли легко понимала эту эхолокацию. Ей и самой одиночество с его волнами не было чуждо.

— Давай им позвоним. Уверена, они будут тебе рады, — сказала она, приблизившись еще немного, и полезла в карман за мобильником. — Как их зовут?

— Я сейчас не хочу с ними говорить.

— И мне не скажешь, как тебя зовут и как тебе помочь?

— Нет, спасибо.

— Ну ладно. Хорошо, — сказала она, тыкая в телефон в надежде найти что-то, что могло бы помочь. Она оглянулась на свою машину, увидела открытую дверь, льющийся на сиденье дождь. От уличного фонаря шел мутно-белый свет. Она сухо вытерла пальцы и продолжала тыкать в телефон.

— Ты эту песню слышал? Я ее обожаю, — сказала она и, прибавив громкость, сделала шаг к нему.

Она стояла с безопасной стороны ограды, он — с суицидальной. Она сомневалась, что он услышит музыку. Мир вокруг грохотал. Она лишь немного удивлялась, что больше никто не остановился, не притормозил и не окликнул его. Люди всегда считали, что обо всем позаботятся другие.

Из телефона доносилась композиция Эндрю Берда¹ *A Nervous Tic Motion of the Head to the Left*. Она не обеспокоилась тем, что в названии было слово «нервный», но в начале песни звучало слово

---

¹ Эндрю Берд (*Andrew Bird*) — американский инди-рок-музыкант-инструменталист, певец и автор песен. (*Здесь и далее прим. перев.*)

«умер», так что она дождалась этого места и сделала громче, только когда Эндрю Берд начал насвистывать. Это была причудливая композиция, там было много свиста. Она стала просматривать музыкантов в алфавитном порядке и, пролистнув *ABBA*, решила, что на песне *I Have a Dream* с ее полным оптимизма текстом о вере в ангелов остановиться было бы можно. После *ABBA* шел Эндрю. Она вытянула руку с мобильником в ту сторону, где стоял парень, поближе к его уху.

— Послушай этого музыканта. Это Эндрю Берд, и свою песню он насвистывает, как птица¹. Песня красивая, но я не знаю, о чем она, — сказала она. Дождь поливал ее худи, холодную руку, мобильник. Этот человек, как видно, сильно замерз, даже если он был на мосту не так долго. Она спросила, сколько он уже здесь.

— Не знаю, — по-прежнему глядя вниз, сказал он.

Она не выключала песню до того места, когда Эндрю Берд опять произносил слово «умер». Потом опустила телефон в карман.

— Уверена, что ты жутко замерз. Здесь недалеко кофейня. Можно я тебя угощу кофе? — предложила она.

А вдруг он убийца. Или насильник. Может, даже педофил в бегах.

— Так и не скажешь, как тебя зовут? Я представилась. Меня зовут Талли. Талли Кларк.

— Нет, — сказал он. Мягко сказал. Мир вокруг жестоко грохотал, но человек говорил мягко.

---

¹ От англ. *bird* — птица.

— Тебе не хочется чего-нибудь теплого? Подержать в руках или выпить? Не могу же я оставить тебя здесь. Ни за что, — заключила Талли. Протяни она руку — и можно было бы до него дотронуться, но она боялась. Ведь он может прыгнуть. Упасть. Схватить ее и не отпускать, потянуть за собой. Туда она не хотела.

— Поставь еще что-нибудь, — попросил он.

Талли нашла *Jesus, Etc.* в исполнении группы «Уилко» — эта песня ее всегда успокаивала — и протянула телефон мужчине. Так они и стояли вдвоем, слушая вкрадчивый и томный голос Джефа Твиди¹. Она сначала обхватила себя руками, пытаясь согреться, а потом просто засунула руки в карман-муфту своего худи.

— Спасибо, — когда кончилась песня, сказал он, возвращая ей телефон.

Она взглянула на шоссе — вспышки и мерцание мини-фургонов, джипов, грузовиков, легковушек — ни полицейских машин, ни пожарных, ни одной «Скорой». Что делать, она не знала — и честно призналась ему в этом. Вдруг ему станет лучше от мысли, что всех ответов не знает никто. И если он собрался прыгнуть, то уже должен был бы это сделать. Так? Так.

— Тебе ничего делать не придется. Все уже сделано, — сказал он.

— Что сделано? В чем вообще дело?

— Не знаю, — сказал он.

---

¹ Американский музыкант, прославившийся как вокалист и гитарист группы *Wilco*.